

«Депиктивные вторичные предикаты», или «депиктивы», – как, например, *сырыми* в *Эти овощи едят сырыми*, – занимают особое место в грамматике, располагаясь, в некотором смысле, между адвербиалами и определениями. С обстоятельствами их объединяет явная синтаксическая зависимость от сказуемого, с определениями – ориентированность на конкретного участника ситуации, зачастую проявляющаяся и в формальных характеристиках (в приведенном примере – в согласовании в числе). Несмотря на такой особый статус, а возможно, и благодаря ему, конструкции со вторичной предикацией нередко привлекаются в теоретической литературе – например, для выделения особых классов предикатов (как в [Milsark 1974]) или даже для оправдания не укладывающегося в стандартные представления поведения именных групп в так называемых «неконфигурационных» языках [Speas 1990]. И тем не менее, вплоть до недавнего времени депиктивы оставались на периферии грамматического описания.

Ситуацию во многом изменили недавние исследования Н. Химмельмана и Е. Шульце-Берндт, вылившиеся в написанную задолго до публикации статью [Himmelmann, Schultze-Berndt 2004], а также организованную им конференцию, прошедшую в Руре в 2001 г. Из последней и вырос сборник «Вторичная предикация и адвербиальная модификация» – под редакцией тех же авторов. В какой-то мере этот сборник призван заполнить пробел в знаниях о функциях депиктивов и способах их выраже-

ния в языках, в значительной степени отличных от тех, на основе которых и было выработано это понятие. В статьях сборника исследуются функциональные и формальные аналоги конструкций со вторичными предикатами в вальбири (в сопоставлении с английским – Дж. Симпсон), немецком (Т. Мюллер-Бардей и в том, что касается швейцарских диалектов – К. Бухели Бергер), картвельских языках (У. Будер, С. Кутшер и Н. Севим Генч, статья последних посвящена одному из лазских диалектов), языках пано (П.М. Валенсуэла), нилотских и омотских языках (А. Амха и Дж. Диммендаль), шона (Т. Гюльдеман), эве (Ф.К. Амека), лаосском (Н. Энфилд) языках. В сборник включена также отдельная статья У. МакГрегора, посвященная количественным вторичным предикатам в австралийских языках, и две статьи, исследующие депиктивы на богатом типологическом материале – теоретическое введение Н. Химмельмана и Е. Шульце-Берндт, а также статья, предлагающая семантическую карту для депиктивных прилагательных Й. ван дер Ауверы и А. Мальчукова.

Естественно, что типологическая перспектива на вторичную предикацию требует какого-то – пусть и не строго – ее определения, не зависящего от конкретного языка. И здесь, учитывая «промежуточный» характер рассматриваемой конструкции, авторам приходится обращаться как к семантическим, так и к формальным критериям ее выделения. Канонические характеристики депиктивов были за-

(i) депиктивная конструкция содержит два отдельных «предикативных элемента», главный предикат и депиктив; значения времени и наклонения депиктива всегда совпадают со значениями соответствующих категорий главного предиката;

(ii) депиктивы имеют контролер, т.е. относятся к одному из партиципантов главного предиката, а не к предложению в целом;

(iii) депиктивы входят в одну клаузу с главным предикатом и при этом не инкорпорируются в него и/или не образуют с ним сложный предикат;

(iv) депиктивы не являются аргументами главного предиката;

(v) депиктивы не являются синтаксически определенными своими контролерами;

(vi) депиктивы нефинитны (т.е. в норме не имеют собственных показателей времени или наклонения, а выражаемые ими соответствующие признаки совпадают со значениями этих категорий главного предиката);

(vii) депиктивы не выделяются интонацией, составляя с главным предикатом единую просодическую единицу.

Очевидно, что работа Н. Химмельмана и Е. Шульце-Берндт явилась попыткой выработать универсальные критерии для выделения вторичной предикации. В действительности, до этого в литературе под вторичной предикацией нередко понимались конструкции, многим из указанных критериев не удовлетворяющие, – и в свете этого неудивительно, что и авторы сборника иногда исходят скорее из семантики. Здесь нужно заметить, правда, что и сами критерии Н. Химмельмана и Е. Шульце-Берндт не являются достаточно разработанными. Например, как применять критерий (vi) для некоторых языков со слабым противопоставлением знаменательных частей речи, где практически каждый корень, традиционно понимаемый как именной, может иметь показатели времени? Считать ли вторичной предикацией некоторые формы, имеющие зависимые слова (ср. *Он читает доклад, заикаясь на отдельных словах*)? Наконец, особенно слабо разработанным является интонационный критерий (vii), хотя рассматриваемый сборник как раз содержит статью, в которой немалая доля посвящена попытке его применения на материале лазского языка (С. Кутшер и Н. Севим Генч).

С другой стороны, роль семантических критериев в исследовании депиктивов невозможно недооценить. Так, по-видимому, существуют условия, благоприятствующие появлению депиктива, – например, выражение временного

состояния, как в *Я выпил кофе горячим, не дожидаясь пока он остынет*. И тем не менее, семантическое наполнение конструкций, претендующих на статус вторичных предикаций, в значительной степени варьируется. Например, для булепско-арташенского говора лазского языка оказывается возможным выделить лишь одну такую конструкцию, но она выражает дистрибутивность (как *по двое* в *Солдаты пришли по двое*), значение, безусловно, периферийное для депиктивов во многих других языках. В то же время, в некоторых из тех языков, где вторичная предикация хорошо выделяется на основе зависимости ее формы (например, падежной) от формы контролера, например, в австралийском вальбири или амазонских языках пано – разброс семантических функций депиктива оказывается гораздо больше, нежели, скажем, в английском.

Однако семантическое варьирование в случае вторичных предикаций все же не беспорядочно, и это позволяет Н. Химмельману и Е. Шульце-Берндт применить для его описания популярный ныне метод семантического картирования, отображающий прототипичность / непрототипичность и связанность / несвязанность различных функций. Интересно, что тот же метод используется и в заключительной статье Й. ван дер Ауверы и А. Мальчукова, для которых, однако, формальное определение депиктивов оказывается в какой-то мере даже лишним, поскольку их цель заключается в установлении закономерностей единого кодирования вторичной предикации и других конструкций – атрибутивной (как рестриктивной, так и нерестриктивной), предикатной, адвербиальной конструкций, а также конструкции с предикатным дополнением (ср. *Они считают тебя умным*).

Вообще, месту депиктивов среди других конструкций в сборнике уделено довольно много внимания. И здесь на первый план встает проблема противопоставления депиктивов адвербиалам, в первую очередь, тем из них, которые тоже могут характеризовать участников, – партиципантно-ориентированным адвербиалам в терминологии авторов, вроде *охотно* (на русском языке см. об этом [Тестелец 2001: 216–220; Филипенко 2003]). Надо сказать, что эта тема довольно детально разрабатывается уже во вводной статье Н. Химмельмана и Е. Шульце-Берндт. Последние, основываясь на предшествующих исследованиях адвербиалов, строят детальную типологию адвербиалов, включающую:

(1) адвербиалы, относящиеся к одному из партиципантов, или агентивные адвербиалы; ср., например, англ. *John stupidly answered the question* 'Джон, как дурак, ответил на вопрос';

(2) «очевидные» (transparent) адвербиалы, как в *The boy hungrily returned to his parents* 'Мальчик, оголодав, вернулся к родителям', отличающиеся от депиктивов тем, что они логически связаны с главным предикатом и порой являются причиной совершения действия, заложенного в главном предикате;

(3) обстоятельственные (circumstantial) адвербиалы (ср., например, *You can't eat them raw* 'Ты не можешь их есть сырыми'), указывающие на условие выполнения действия, выраженного главным предикатом.

(4) свободные адъюнкты, не входящие в одну клаузу с главным предикатом и выражающие или постоянное свойство (так называемые «сильные свободные адвербиалы»; ср. *Having unusually long arms, John can touch the ceiling* 'Имея удивительно длинные руки, Джон может дотронуться до потолка') или непостоянное свойство своего контролера (близкие к обстоятельным, «слабые свободные адвербиалы» вроде *Standing on a chair, John can touch the ceiling* 'Стоя на стуле, Джон может дотронуться до потолка').

Из этих типов наиболее близко к собственным депиктивам стоят обстоятельные адвербиалы, отличить которые от вторичной предикации можно далеко не во всех языках. Поэтому Н. Химмельман и Е. Шульце-Берндт вводят отдельное понятие «депиктивы в широком смысле», включающее также и обстоятельные адвербиалы. Фактически именно так и используют термин «депиктив» авторы большинства других статей сборника (в том числе и те, кто рассматривает теоретические вопросы противопоставления вторичной предикации другим конструкциям, – речь идет о работах Т. Мюллера-Брадея, а также Й. Ван дер Ауверы и А. Мальчукова).

Хотя семантические критерии отграничения вторичной предикации от адвербиальной модификации представляются более или менее универсальными, представленный в книге материал показывает, что с формальной точки зрения во многих языках эти конструкции не различаются. Полное или почти полное отсутствие грамматикализованных депиктивных конструкций постулируется в статьях сборника для шона, булепско-арташенского лазского и лаосского языков, хотя в действительности несколько сомнительной представляется и принадлежность ко вторичной предикации некоторых конструкций других языков, интерпретируемых как депиктивы (так, например, в нилотском языке туркана соответствующие конструкции содержат вспомогательный глагол, маркированный по лицу и по времени, что делает их, скорее, кандидатами в свободные адъюнкты). Однако даже и в языках с фор-

мально отличными депиктивными конструкциями граница между адвербиальной модификацией и вторичной предикацией не всегда является достаточно четкой как с точки зрения функций, так и с точки зрения плана выражения. Порою одна и та же семантическая функция может обслуживаться как депиктивом, так и адвербиалом; например, как показывает У. Будер, в грузинском языке в некоторых контекстах возможна как форма с согласованием (депиктив), так и форма без согласования (адъюнкт). С другой стороны, и формальные депиктивы могут «вторгаться» на адвербиальную территорию: для амазонского языка шипибо-конибо П.М. Валенсуэла считает необходимым различать формальную партиципантную ориентацию (т.е. наличие формальных признаков депиктива) семантической, поскольку первая иногда характеризует не конкретного участника ситуации, а всё событие. В этой связи можно говорить о некотором соперничестве между депиктивной и адвербиальной конструкциями, результат которого различен в зависимости от конкретного языка [Himmelmann, Schultze-Berndt 2004].

В целом, по-видимому, следует признать, что выход сборника «Вторичная предикация и адвербиальная модификация» не решает загадку депиктивов, оставляя данное явление весьма размытым, а особые свойства вторичной предикации необъясненными. Степень универсальности соответствующих конструкций по сути также остается непроясненной – отчасти потому, что авторы все же не смогли представить единого взгляда на то, что есть вторичная предикация, к тому же, некоторые связанные со вторичной предикацией явления (например, так называемые «плавающие кванторы») вообще оказались вне их поля зрения. В то же время, надо признать, что предлагаемое издание является первой попыткой рассмотрения депиктивных конструкций в широком типологическом плане. При этом сборник содержит огромное количество редкого материала и нетривиальных наблюдений, касающихся как собственно вторичной предикации, так и адвербиальных конструкций, согласования и т.д., и, несомненно, является важным шагом в построении общей картины функционирования приглагольных компонентов предложения. Поэтому не подлежит сомнению, что «Вторичная предикация и адвербиальная модификация» будет весьма интересна не только любителям недостаточно изученных конструкций, но и вообще синтаксистам и семантикам, занимающимся проблемами устройства предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Филипенко 2003 – М.В. Филипенко. Семантика наречий и адverbиальных выражений. М., 2003.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2004 – N. Himmelmann, E. Schultze-Berndt. Depictive sec-

- ondary predicates in crosslinguistic perspective // Linguistic typology. V. 8. 2004.
- Milsark 1974 – G. Milsark. Existential sentences in English. New York, 1974.
- Speas 1990 – M. Speas. Phrase structure in natural language. Dordrecht, 1990.

А.П. Выдрин, Ю.А. Ландер